

ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ

Авторы: С. С. Аверинцев, Ал. В. Михайлов

ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ (от лат. *optimus* – наилучший и *pessimus* – наихудший), понятия, характеризующие ту или иную систему представлений о мире в зависимости от выраженного в ней позитивного или негативного отношения к сущему и ожиданий от будущего.

Можно выделить два осн. типа О. и п. Первый изображает мир как относительно статичное, извечное состояние, в котором преобладает или господствует одно из начал, явно или в скрытом виде (выступающее на поверхности зло может быть обращено в добро в «высшем» смысле и наоборот). Второй тип О. и п. вводит историч. измерение, благодаря чему мир рисуется движущимся к окончат. победе добра над злом или наоборот. Оценке здесь подвергается не сама по себе наличная действительность, а перспектива её историч. развития (цо формулам «всё идёт к лучшему» или «всё идёт к худшему»).

Первые попытки мыслить о мире в целом неизбежно приобретают универсально-оценочный характер. Это диктуется жизненной потребностью человека осмыслить каждый болезненно переживаемый случай зла, связав его с общим распорядком бытия; такое осмысление может происходить либо по формуле пессимизма – «страдание есть закон всего сущего» (даже столь, казалось бы, безотрадное объяснение может быть рассчитано на «утешительный» психологич. эффект, как это можно видеть в буддизме, в греч. моралистич. философии и т. п.), либо по формуле оптимизма – «твои страдания необходимы для мирового блага и в своей сущности сами суть благо». Обе формулы отнюдь не исключают одна другую. К. Г. [Юнг](#) наблюдал в Африке племя, выработавшее две параллельные мифологич. системы: первая функционирует от восхода солнца до его заката и описывает мир в формулах наивного оптимизма, вторая вступает в силу после заката и имеет противоположное

оценочное содержание. При этом ранние формы пессимизма связаны с чрезвычайно интенсивным переживанием смерти (напр., в аккадском эпосе о Гильгамеше, 22 в. до н. э.). Более глубокий пессимизм, выражающийся формулой «лучше умереть, чем жить», часто появляется в связи с негативной оценкой социального бытия человека; ср. в Кн. Иова (3:17–19), где герой тоскует о царстве мёртвых: «Там беззаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника. Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего».

Для др.-греч. мифологии и выросшей из неё античной философии в основном характерны О. и п. первого (статического) типа. Бытие физич. и социального космоса описывается здесь как бесцельное и вечно возвращающееся к исходной точке, наподобие смены времён года или движения небесных тел. Греч. космос есть борьба слепых сил, из которых ни одна не воплощает собой «зло» или «добро» в чистом виде: по Гераклиту, «война – всеобща, правосудие – борьба, и всё рождается через борьбу и необходимость»; совершенно так же изображает социальное бытие людей греч. эпос («Илиада»). Гомеровские боги вмешиваются в земную жизнь не затем, чтобы положить начало чему-то устойчивому и вечному, но, напротив, их вмешательство всякий раз обусловлено своей беспоследственностью: так, боги удовлетворяют желания Ахилла именно потому, что он всё равно обречён. Ни у мира, ни у истории нет «смысла». Такая картина мира могла переживаться в духе глубокого пессимизма, нашедшего выражение в «мудрости Силена», согласно которой высшее благо – не рождаться, а следующее за ним – немедленно умереть. Поскольку античный космос всё же допускает эволюцию, это не прогресс, а регресс: золотой век лежит не в будущем, а в прошлом для всей античной мысли от Гесиода до Лукреция. Но идея окончат. катастрофы, характерная для др. типов мифологич. мировоззрения (ср. др.-сканд. «Прорицание вельвы»), в греч. мифологии и философии затушёвана: космос подвержен периодич. катастрофам (учение [стоицизма](#) о мировых пожарах, восходящее к Гераклиту), но они не могут поколебать его вечности и стабильности. Точно так же пессимистич. понимание мира как бессмысленной игры не отменяет античного оптимизма, радостно принимающего именно самодовление мира: «Изобилуя во всём, жизнь многообразно творит всё и не может удержаться от созидания всё

новых прекрасных и стройно оформленных живых игрушек» (Плотин, «Энеады», III, 2, 15). Т. о., для греч. мировоззрения космологич. оптимизм столь же характерен, как и историч. пессимизм.

Резкую противоположность этому составляет историч. оптимизм иудаизма и особенно христианства. Хотя и в Библии мы находим проявление космологич. оптимизма, когда каждая заново сотворённая часть мироздания положительно оценивается Богом («И увидел Бог, что это хорошо» – Быт. 1:10 и др.), не в этом лежит специфика иудейско-христианского оптимизма. Мало того, воспеваемая греч. философами и поэтами циклическая стабильность космоса с его «вечными возвращениями» оценивается здесь иначе – как нечто безысходное («Екклесиаст»: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем») и требующее прекращения в виде «конца» мира. Свою опору иудейский оптимизм ищет в идее поступат. целесообразного движения, возможного только для личностной воли, будь то воля человека или божественная воля Яхве. В повествовании Пятикнижия многократно повторяются благословения и обещания, даваемые Яхве Аврааму и его потомкам, благодаря чему создаётся впечатление постепенно растущей суммы божественных гарантий счастливого будущего. В кризисную эпоху пророков этот эсхатологич. оптимизм, умозакрывающий от бедственности настоящего к благополучию будущего (Ис. 44:3 – «Ибо Я изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее»), приобретает вполне сложившийся облик, с которым он и переходит в раннее христианство.

Христианская оценка космоса и плоти сложна и антиномична. С одной стороны, христианство в борьбе с опасностью последовательно пессимистичного манихейства, безоговорочно осуждавшего весь материальный мир, настаивает на изначальном совершенстве «творения». «Полюби же и плоть, как скоро она сотворена таким Художником!» – восклицает Тертуллиан («О воскресении плоти», гл. 5). Но мировая гармония уже не довлеет себе, но соотнесена с духовным Абсолютом и получает своё утверждение лишь от него: «сочетание движения и покоя, осуществляющее себя в стройной упорядоченности, есть некая музыкальная гармония, из которой рождается... славословие той Силе, всё это поддерживающей» (Григорий Нисский, «Толкование на псалмы», гл. 3). Христианство разлагает бытие на неравные пары

категорий, из которых лишь одна мыслится безусловно благой, а вторая нуждается в оправдании через первую (Бог и мир, дух и плоть, благодать и природа, Церковь и человечество). «Природа» в результате грехопадения Адама временно оказалась ущербной и страдающей, однако воплощение Христа открыло путь к возрождению человечества и всего космоса: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18). Т. о., гл. настроение христианства – уверенность в торжестве идеала, динамич. оптимизм эсхатологич. типа по формуле «всё идёт к лучшему».

Оптимизм Возрождения зиждется на идеализированном понимании человеческой природы, которая сама по себе гарантирует совершенство общества. По словам Дж. [Пико делла Мирандолы](#), «человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения» («Эстетика Ренессанса». М., 1981. Т. 1. С. 248). В более прозаич. форме эту же мысль выражает Рабле: «...Людей свободных... сама природа наделяет инстинктом и побудительной силой, которые постоянно направляют их на добрые дела и отвлекают от порока...» («Гаргантюа и Пантагрюэль». М., 1961. С. 151). При столкновении с действительностью этот антропологич. оптимизм легко оборачивался своей противоположностью, как это наглядно прослеживается в философии и литературе Позднего Возрождения (напр., в словах о человеке в «Гамлете» У. Шекспира, и др.).

Оптимизм был в целом присущ эпохе Просвещения. Систему космологич. оптимизма заново выразил Г. В. [Лейбниц](#) в «Теодицее» (1710); по Лейбницу, Бог создал мир, наилучший из всех возможных; сам термин «оптимизм» был введён франц. иезуитами в 1837 в полемич. целях именно для характеристики этой системы. Оптимизм этого типа, легко возносившийся над нуждами эпохи и всем конкретным, был осмеян Вольтером в повести «Кандид, или Оптимизм». Типично просветительским был оптимизм ([эвдемонизм](#)) А. [Шефтсбери](#). От Лейбница традиция оптимизма перешла к Г. Э. Лессингу, Д. Дидро, раннему И. Канту и др. просветителям. Но статический (космологич. и антропологич.) оптимизм в общей структуре просветительской идеологии лишь оттеняет динамич. оптимизм, т. е. веру в преобразование мира к лучшему; такая вера была характерна для европ. мировоззрения уже в средние века, но теперь эсхатологич. оптимизм сменяется историческим. Оптимизм этого типа

особенно характерен для франц. просветительства (ср. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» М. Ж. [Кондорсе](#), 1794). Просветительная концепция прямолинейного интеллектуального прогресса, который якобы автоматически влечёт за собой моральный и социальный прогресс, переходит и в 19 в. (ср. «Прогресс, его закон и причина» Г. [Спенсера](#), 1857).

Реакцией на историч. оптимизм и эвдемонизм просветителей явились разл. концепции пессимизма, в которых, в частности, выводился отрицательный баланс неприятных и приятных впечатлений и ощущений (так, согласно П. Л. Мопертюи, сумма неудовольствий превышает сумму благ в мире). А. [Шопенгауэр](#), исходивший из того, что вся жизнь есть неизбывное страдание, впервые (с 1844) обозначил свою систему как «пессимизм» и в противовес Лейбницу назвал существующий мир наихудшим из возможных. Под влиянием Шопенгауэра пессимистич. умонастроения получили распространение в филос. и лит. кругах Европы 2-й пол. 19 в. (этика Э. фон [Гартмана](#) с его призывом избавиться от иллюзии достижения счастья и т. п.).

Ф. [Ницше](#), противопоставляя «романтическому пессимизму» А. Шопенгауэра «дионисовский пессимизм» – трагич. восприятие жизни во всей её «преизбыточествующей» полноте, призывал вместе с тем вообще отказаться от употребления «изношенных до скуки» слов «О. и п.» (Соч. М., 1990. Т. 1. С. 697, 257). В целом историч. оптимизму социальных и технократич. утопий 19–20 вв. противостояли филос.-историческая (О. [Шпенглер](#)), антропологическая (З. [Фрейд](#)), социально-критическая (М. [Хоркхаймер](#) и др.) концепции, пессимистически оценивавшие эволюцию зап. общества и его культуры.